

Марья Дмитріевна и Аннушка (вмѣстѣ):—Отъ Арбенина? (Обѣ въ замѣшательствѣ).

Докторъ:—А развѣ вы его знаете?

Марья Дмитріевна:—Нѣтъ! А кто такой Арбенинъ?

Докторъ:—Этотъ господинъ Арбенинъ, коллежскій ассессоръ, въ разводѣ съ своей женой... то есть не въ разводѣ, а такъ... она покинула мужа, потому что была невѣрна.

Марья Дмитріевна:—Невѣрна! она его покинула?

Докторъ:—Да, да! невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого же Арбенина есть сынъ, молодой человекъ лѣтъ девятнадцати, или двадцати, шалунъ, повѣса, заслужившій въ свѣтѣ очень дурную репутацію; говорятъ даже, что онъ шегъ... да, да... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалуютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человека, каковъ господинъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй! Если его принимаютъ въ хорошія общества, то это только для отца... И еще вообразите, онъ смѣется все надо мной и надъ моею ученостью!.. онъ! надъ моею ученостью? смѣется!..

Марья Дмитріевна (въ сторону):—Личность... и отдыхаю!

Докторъ:—Ахъ, у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсемъ здоровы.

Марья Дмитріевна:—Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость и позвольте мнѣ съ вами проститься. Вы почти знаете, въ какомъ я положеніи: я скоро ѣду изъ Москвы. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ меня возвратиться въ деревню.

Докторъ:—Какъ? Не возвративши здоровья?

Марья Дмитріевна:—Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

Докторъ:—Какъ? Вы не вѣрите благому вліянію медицины?

Марья Дмитріевна:—Извините, я очень вѣрю... однако не могу ею пользоваться...

Докторъ:—Есть ли что-нибудь невозможное для человека съ твердой волею?

Марья Дмитріевна:—Мнѣ должно, моя воля—ѣхать въ деревню. Тамъ у меня тридцать семействъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья. Тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится; тамъ хочу и умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все... Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

Докторъ (беретъ деньги):—Однако вы еще очень нездоровы, вамъ бы надобно...

Марья Дмитріевна (значительно взглянувъ на него):—Прощайте! (Докторъ, раскланившись, уходитъ, съ недовольной миной). Этотъ человекъ въ состояніи высосать послѣднюю копейку!

Аннушка:—Вы совсемъ разстроены! ваше лицо перемѣнилось! ахъ, сударыня, присядьте! ваши руки дрожатъ!

Марья Дмитріевна:—Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной.

Аннушка (поддерживая ее):—Видно вамъ, сударыня, такъ ужъ на роду написано терпѣть...

Марья Дмитріевна:—И умереть.

Аннушка:—Смерть никого не обойдетъ... Зачѣмъ же звать ее, сударыня! Она знаетъ, кого въ какой часъ захватить... а назовешь-то ее неравно въ недобрый часъ... такъ хуже будетъ!.. Молитесь Богу, сударыня, да святымъ угодникамъ: вѣдь они всѣ страдали не меньше насъ! А мученики-то, матушка!

Марья Дмитріевна:—Я вижу, что близокъ мой конецъ. Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только примириться съ моимъ мужемъ прежде смерти. Пускай ни чей справедливый укоръ не слѣдуетъ за мной въ могилу!.. Аннушка! доведи меня въ мою комнату. (Уходитъ обѣ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

17-го октября вечеръ.

Комната студента **Рябинова**. Бутылки лампаискаго на столѣ и довольно много безпорядка, курятъ трубки. Ни одному вѣтъ больше 20 лѣтъ.

Снѣгинъ:—Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

Челяевъ:—Чѣмъ-нибудь обидѣлся.

Заруцкій:—Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то шутить и хохочетъ, то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочить, убѣжить, какъ будто бы потолокъ проваливался надъ нимъ...

Снѣгинъ:—За здоровье Арбенина; sacré-dieu! онъ славный товарищ!

Рябиновъ:—Тоскъ!

Вышневскій:—Челяевъ, былъ ты вчера въ театрѣ?

Челяевъ:—Да, былъ.

Вышневскій:—Что играли?

Челяевъ:—Общипанныхъ «Разбойниковъ» Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно! Жаль, что этотъ прекрасный актеръ не всегда въ духѣ. Случился могло бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.